

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.2.7>

УДК 811.161.1'373.611
ББК 81.411.2-03

Дата поступления статьи: 28.03.2016
Дата принятия статьи: 27.04.2016

ФУНКЦИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С АФФИКСАЛЬНЫМ УДВОЕНИЕМ В ТЕКСТАХ XI–XIV вв.

Ольга Юрьевна Крючкова

Доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой теории, истории языка и прикладной лингвистики,
Саратовский национальный исследовательский университет им. Н.Г. Чернышевского
vpks@rambler.ru
ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. Лексические единицы с удвоением словообразовательных аффиксов, зафиксированные в текстах XI–XIV вв., отражают характерные для древнерусской письменности стилистические установки, а также выступают как средства продвижения и закрепления значимых для исторического развития русского языка структурно-семантических тенденций. Редупликация аффиксов в древнерусский период свойственна книжной речи, существовавшей на пересечении церковнославянской и собственно русской языковых традиций, она отражала наличие в древнерусском языке разных жанрово закреплённых норм. В соответствии с этим наиболее активные модели аффиксального удвоения включали в свой состав генетически различные (русские и церковнославянские) синонимические аффиксы. Контаминация собственно русских суффиксов с их южнославянскими синонимами была средством жанрово-стилистической адаптации дериватов к специфике конкретного текста. Семантическая избыточность слова, возникавшая вследствие аффиксальной редупликации, отвечала, во-первых, общим стилистическим особенностям книжно-литературной речи, насыщенной разнообразными видами повторов, а во-вторых, служила основой семантического развития определенных лексико-грамматических разрядов слов: в классе *nomina abstracta* удвоение суффиксов способствовало конкретизации значений абстрактного имени; в сфере глагольной префиксации нанизывание синонимических префиксов становилось базой развития новых модификационных значений – способов глагольного действия.

Ключевые слова: древнерусский текст, словообразование, аффиксальная редупликация, абстрактные существительные, полипрефиксальные глаголы.

В письменности донационального периода (XI–XVII вв.) распространены лексемы с удвоением – чаще синонимическим – словообразовательных аффиксов (суффиксов и приставок). Такие лексические единицы, как правило, имеют низкую частотность, нередко являются гапаксами. Однако встречаемость аффиксальных удвоений в значительных по объёму группах слов разных частей речи свидетельствует о неслучайности это-

го явления, об определенной функциональной обусловленности приема семантико-словообразовательного дублирования (редупликации). Редупликационные модели частных словообразовательных подсистем образуют на каждом синхронном срезе своеобразную систему, поскольку развиваются в едином общем направлении и отражают характер коммуникативных стратегий той или иной языковой эпохи.

В древнерусский период очевидна прагмостилистическая по преимуществу направленность внутрисловного деривационного повтора. Наиболее активные модели аффиксального удвоения обычно включали в свой состав генетически различные синонимические аффиксы: *-ич(ь) + -ищ(ь)* (*львичищъ, сестричищъ, робичищъ*), *-тел(ь) + -ьник(ь)* (*властельникъ, дѣлательникъ, писательникъ*), *-ьств(о) + -и(е)* (*вьдовьствие, богохульствие, чувство*), *по- + ис-, по- + съ-, при- + вос-* (*испостигнути, съпохвалити, воспринести*). Аффиксальная редупликация в текстах древнерусского периода ярко отражала взаимодействие двух языковых стихий, колебание норм письменной речи: сосуществование в древнерусском языке разных жанрово закрепленных норм (см.: [8]) или же наличие такой нормы, неотъемлемой чертой которой было варьирование средств выражения (см.: [4]). В этих условиях контаминация собственно русских суффиксов с их южнославянскими соответствиями была средством жанростилистической адаптации дериватов к специфике конкретного текста. В присоединении к заимствованному аффиксу равнозначного исконно русского или, наоборот, к исконно русскому аффиксу южнославянского дублета можно усматривать своеобразный стилистический прием экспликации, выработанный еще Кириллом и Мефодием при переводах с греческих оригиналов на славянский язык. Этот прием, пишет Е.М. Верещагин, «состоит в том, что одному греческому слову ставятся в соответствие два (редко три) славянских». Назначение этого приема – «в разъяснении переводимого текста» [3, с. 84]. Своего рода разъяснение словообразовательного значения с помощью дополнительного гетерогенного словообразовательного аффикса происходит и в обсуждаемых случаях.

Редупликация аффиксов в этот период – примета книжной речи, существовавшей на пересечении двух языковых традиций – церковнославянской и собственно русской. Семантическая избыточность слова, возникавшая вследствие аффиксальной редупликации, отвечала общим прагмостилистическим тенденциям книжно-литературной речи. Варьирование на всех уровнях – лексическое, грамматическое и даже графическое (ср. варьиро-

вание букв *о* и *ѡ*, *оу* и *ѡу*) – было специфической чертой литературных памятников Древней Руси [7, с. 75]. В синтагматике текста это находило выражение в широком использовании приемов так называемой трансформационной тавтологии – повторениях с изменением грамматического или словообразовательного облика слова. Ср. примеры И.С. Улуханова, извлеченные из памятников XI–XV вв. [14, с. 47–48]: *горя вѣрою правовѣрия, видимое видение, свѣтильникъ свѣтлыи, божьствьными блистании блистая, падениемъ падоша, запрещениемъ запретитъ, лицьмъ же к лицу, яко на свѣтильницѣ свѣтильникъ, избрана съ избранными*. Т.Н. Кандаурова отмечает обычное для древнерусских памятников употребление в непосредственной близости русского и церковнославянского эквивалентов, соотнесенных с одним и тем же денотатом, например: *не в Давыдовѣ городѣ ятъ, ни слѣплень, но в твоємъ градѣ ятъ и слѣплень; понеже вы есте братья одного отьца и единой матери; видѣ и у вратъ стояща и от радости же не отврьзе воротъ* [7, с. 67].

И.С. Улуханов так определяет назначение распространенных в древнерусской письменности текстовых повторов: «Все эти риторические приемы были призваны не только продемонстрировать искусство автора или переводчика. Повторение слов, близких по значению, вновь и вновь возвращало читателя к основному предмету речи, к тому общему понятию, которое лежало в основе значений всех повторяющихся слов. Тем самым демонстрировалась сложность, многоплановость этого понятия, утверждалась его важность, возвышенность» [14, с. 47]. Частотность и разнообразие конструкций с повторами связаны, кроме того, с активным усвоением греческих культурно-философских концептов. «Трудность доведения до сознания читателей и слушателей новых идей, – писал Б.А. Ларин, – проявлялась в накоплении парных обозначений, синонимических повторов... здесь была насущная необходимость повторения в двух-трех параллельных выражениях» [10, с. 118]. Примечательно и то, что большое число разного рода тавтологических образований, засвидетельствованных памятниками до XIV в., является, по наблюдениям А.Г. Ломова, либо кальками, либо вольными переводами гречес-

ких выражений [11]. Таким образом, разного рода повторения, в том числе и внутрислов-ные, были важным свойством древнерусской книжно-письменной речи. Внутрисловные повторы в древнерусском языке, так же как и межсловные, являлись стилистическим приемом расширения текста и служили приметой его книжности, литературности, выполняли поэтическую функцию, в наиболее концентрированном виде выражая свойственное поэтической функции языка, по Р. Якобсону, перенесение принципа эквивалентности «с оси селекции на ось комбинации» [16, с. 202]. На формирование раннего русского текста сильное влияние оказывали не только греческие структурные образцы, но и шире – античное и средневековое искусство риторики, основными постулатами которой были неразрывно связанные между собой убеждение и красноречие. «Воздействие на средневекового читателя и слушателя, – пишет С.И. Баженова-Рагина, – осуществлялось не только “высшим, общим” содержанием, авторитетностью ссылок, примеров и параллелей, но одновременно и обилием украшающих речь симметрических и ритмических приемов» [1, с. 125].

Однако лексемы с аффиксальным удвоением в текстах XI–XIV вв. служили не только средством прагмостилистической аранжировки текста, приемом поддержания традиций древнейшей славянской письменности. Важным фактором аффиксальной редупликации в древнерусском языке были также процессы живого структурно-семантического развития языковых подсистем, также нашедшие свое выражение в письменности этого периода.

В сфере внутрисловных удвоений, зафиксированных древнерусской письменностью, наивысшей активностью характеризовались модели редупликации суффиксов *nomina abstracta* (среди которых наибольшую продуктивность развивает модель *-ство + -ие*) и модели глагольной префиксальной редупликации. Рассмотрим на примере этих моделей основные функции лексических единиц с аффиксальным удвоением в текстах XI–XIV вв. (о функционировании других, менее продуктивных, моделей аффиксальной редупликации в древнерусской письменности см.: [5]).

Определяющим фактором суффиксального удвоения для *nomina abstracta* было активное усвоение этого в целом нового лексического класса, состоявшего по преимуществу из греческих калек. Коммуникативная потребность в развитии предметного способа представления качеств, действий и состояний, возникшая в связи с восприятием греческих культурно-философских концептов, обусловила повышенную вариативность отвлеченных существительных в древнерусской письменности (см., например: [15, с. 114]), а также высокую активность аффиксальных удвоений в группе *nomina abstracta* (*блажьствие, милосръдствие, невѣръствие, мьногобожьствие, благобаязьство, погибѣлие, злобие* и мн. др.). Суффиксально удвоенные *nomina abstracta* принадлежали исключительно высокому стилю, связанному с церковно-книжной традицией. Многие из них не входили, по всей видимости, в активный словарь древнерусского периода, а были результатом индивидуального словотворчества (ср., напр.: половина имен на *-ствие* в текстах XI–XIV вв. являются гапаксами). Имена с нанизыванием абстрактно-именных суффиксов встречаются чаще всего в переводной литературе. Такие производные, вероятно, создавались переводчиками для наиболее точного, «надежного» выражения тех отвлеченных понятий, которыми изобиловала византийская догматическая и философская литература.

Имея ярко выраженную стилистическую обусловленность, нанизывание абстрактно-именных суффиксов отражало также и некоторые семантические тенденции в развитии абстрактных имен. Так, анализ функционирования имен на *-ство* и *-ствие* в памятниках древнерусской письменности показывает, что присоединение второго суффикса с отвлеченным значением в ряде случаев конкретизирует значение состояния, свойственное первичным производным на *-ство*. В производных на *-ствие* значение состояния выступает как в большей степени опредмеченное: они приобретают форму множественного числа (*И от всѣхъ еретичьствию все зло събравъ*. ГА. XIII–XIV вв.) или обозначают качество конкретного лица или качество, проявившееся в данной конкретной ситуации (*Блжьствие сеубо на обрѣзание или на окръвествию*

глемь, яко причтеса Аврааму вѣра въ правду. Апост. (Воскр.)1. 1220 г.). Ср. также другие случаи обобщенного употребления имен на -ство и конкретизированного употребления имен на -ствие: *Сладостиш... овы суть истиньны, а другыя въ лъжу, да овы мысли единая по къзньству и разумѣню, а другыя съ плтъю по чувству*. Ио. екз. Бог. XII в. Но: *Крѣпко съкруши вражыя къзньствыя* (мн. ч.). Мин. окт. 1096 г.; *Премудрому Соломону рекше: время всякоу вещи вѣдѣти подобаетъ, яко пощажению и дерзновеению, и бл҃гости и напрасньству*. Хрон. Г. Амарт. XIII–XIV вв.~XI в. Но: *Увѣдѣхъ, яко злословятъ снѣ его ба, и не наказаше ео, еще же аще и наказалъ, но наказание то приято мнимо бысть, не имущю зѣло напрасньствыя*. Хрон. Г. Амарт. XIII–XIV вв.~XI в.; *Таинамъ бж҃иямъ вѣруи... невѣрство же отѣмѣтаи*. Изб. Св. 1076 г. Но: *Тогда приступльше ученици къ Иису единому, рекоша: Почто мы не могохомъ изгнати его [беса]? Иис же рече им: За невѣрствие ваше*. Остр. ев. 1056–1057 г.

Удвоение суффиксов с отвлеченным значением подчеркнуто морфологизировало процесс синтаксической деривации, процесс перехода означаемого из одного содержательного класса в другой и способствовало утверждению категориального значения предметности у производного имени существительного. Суффиксальный повтор маркировал, таким образом, один из наиболее характерных для категории *nomina abstracta* процессов – конкретизацию значений абстрактного имени [12, с. 79], придавая этому процессу структурную выраженность.

Заметный пласт лексики в древнерусской письменности образуют глаголы с двумя равнозначными приставками. Функционирование глаголов с редупликацией равнозначных префиксов в памятниках XI–XIV вв., так же как и употребление двусуффиксных *nomina abstracta*, связано как с жанрово-стилистическими особенностями древнерусской письменности, так и с теми значительными историческими изменениями в области глагольной префиксации, которые активно разворачивались в древнерусском языке.

Глаголы с префиксальным удвоением, возникшие на базе калькирования греческих

полипрефиксальных образцов [13, с. 23], органично включались в общий стилистический строй высокой книжности, находились в ряду средств создания панегирической тональности древнерусских литературных памятников. Не случайно в роли вторичных активны прежде всего префиксы старославянского происхождения *про-*, *при-*, *прѣ-*, *из-*, *раз-*, *воз-*, ср: *проразумѣти* (*Проразумѣхъ мою немощь*. Пал. XIV в. Зав. Иуд.), *приподаяти* (*Боляцимъ цѣлѣбоу и страстии избавление приподающа безмъздно, всѣмъ застоупника явистася*. Мин.(ноябрь), 1097 г.), *прѣпровождати* (*лѣта своя съ кротостию прѣпровождаша, и члѣвомъ възлюбленъ боудеши*. Изб. Св. 1076 г.), *изоостати* (*кто ся изоостанетъ въ монастыри. то вы тѣмъ дължны есте молити за ны ба*. Гр. Мстисл. 1130 г.), *распростирати* (*Слнце бо съ правды, къ всѣмъ распространяетъ луча бл҃годѣянию* (Сл. Ио. Злат.). Усп. сб., 412. XII–XIII вв.), *въсподѣяти* (*Иноязычници же въсподѣяху немало мл҃срдие намъ*. Апост. XIV в.).

У двупрефиксных глаголов, так же как и в группе двусуффиксных абстрактных имен, развиваются новые семантические функции – прежде всего, количественно-аспектуальные значения интенсивности, полноты, исчерпанности действия, которые наиболее явно проявляются в текстах летописей, грамот, находящихся на пересечении церковно-книжной и народно-разговорной традиций (подробнее см.: [9, с. 84–89]). Следовательно, выполняя в древнерусском языке прежде всего стилистическую функцию, префиксальное удвоение стало также экспликатором новых номинативных тенденций в области русской префиксации, средством поддержки и продвижения категории способов глагольного действия.

Стилистически и номинативно обусловленные внутрисловные удвоения демонстрируют разные коммуникативные тенденции. В первом случае это область эволюции текста, во втором – область эволюции языка. Эти сферы, по определению Вяч. Вс. Иванова, «не соподчинены друг другу, а движутся в разных, чаще всего противоположных, направлениях» [6, с. 415]. Если стилистически обусловленная словообразовательная редупликация в древнерусском языке ретроспективна по своей сути, то аффиксальные удвоения номина-

тивного назначения указывают, напротив, на перспективные тенденции языкового развития.

Использование как стилистически обусловленных, так и номинативно обусловленных внутрисловных удвоений в памятниках древнерусской письменности определялось в значительной степени характерными для древнерусской книжности представлениями о правильности письменного текста. К концу древнерусского периода, как отмечает М.А. Бобрик, складывается особый, синтетический подход к тексту, объединяющий два противоположных направления – неконвенциональное (реставрационно-консервативное) и конвенциональное (конструктивное). Это выражается в том, что правильность связывается, с одной стороны, с верностью греческому оригиналу, с расширенным использованием южнославянизмов и грецизмов, а с другой стороны, с заботой о ясности и доступности текста [2, с. 70]. Борьба двух подходов, а затем и их синтез, очевидно, немало способствовали становлению той «двунаправленной» системы внутрисловных удвоений, которую мы находим в древнерусском языке.

Однако несмотря на взаимодействие двух факторов аффиксальной редупликации (стилистического и номинативного) наибольшую значимость в древнерусский период имел все же стилистический фактор. Об этом свидетельствуют следующие факты: 1) в древнерусских текстах количественно преобладают редулицированные производные, отличающиеся от своих производящих лишь «ореолом книжности»; 2) наибольшей продуктивностью отмечены модели редупликации, включающие в свой состав аффиксы старославянского происхождения; 3) большинство производных с редупликацией аффиксов встречаются в памятниках древнерусской переводной литературы и являются гапаксами, образованиями единичного употребления, созданными для данного конкретного письменного текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баженова-Рагина, С. И. Проблема описания структуры текстов Древней Руси / С. И. Баженова-Рагина // Ученые записки Тартуского университета. – 1990. – Вып. 896. – С. 120–130.
2. Бобрик, М. А. Представления о правильности текста и языка в истории книжной справы в России (от XI до XVIII в.) / М. А. Бобрик // Вопросы языкознания. – 1990. – № 4. – С. 61–85.
3. Верещагин, Е. М. Две линии в языкотворчестве Кирилла и Мефодия и их последователей: формирование терминологии, создание поэтической традиции / Е. М. Верещагин // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов (София, сентябрь 1988 г. Доклады советской делегации). – М. : Наука, 1988. – С. 78–90.
4. Верещагин, Е. М. Из истории возникновения первого литературного языка славян: к проблеме греческо-славянских лексических и грамматических вариантов в древнейших славянских переводах / Е. М. Верещагин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 50 с.
5. Дмитриева, О. И. Динамика словообразовательных процессов: семантико-когнитивный, жанрово-стилистический, структурный аспекты / О. И. Дмитриева, О. Ю. Крючкова. – Саратов : Научная книга, 2010. – 364 с.
6. Иванов, Вяч. Вс. Взаимоотношение динамического исследования эволюции языка, текста и культуры (к постановке проблемы) / Вяч. Вс. Иванов // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1982. – Т. 41, № 5. – С. 406–419.
7. Кандаурова, Т. Н. Повтор как прием литературной отделки текста (на материале памятников XII–XIV веков) / Т. Н. Кандаурова // Проблемы развития и современного состояния русского языка. – М. : МГПИ им. В.И. Ленина, 1979. – С. 66–76.
8. Крючкова, О. Ю. Развитие языковой нормы в донациональный период истории русского языка и динамика словообразовательной нормы / О. Ю. Крючкова // Научное обозрение: гуманитарные исследования. – 2014. – № 1. – С. 37–44.
9. Крючкова, О. Ю. Синонимия глагольных префиксов и синонимическая полипрефиксация в древнерусском языке / О. Ю. Крючкова // Слово в языке и тексте : сб. ст. к 85-летию со дня рождения Софии Петровны Лопушанской. – Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2011. – С. 79–91.
10. Ларин, Б. А. Лекции по истории русского литературного языка / Б. А. Ларин. – М. : Высшая школа, 1975. – 328 с.
11. Ломов, А. Г. Сравнительно-историческое изучение тавтологических образований русских летописей / А. Г. Ломов // Вопросы языкознания : материалы XXIV науч. конф. проф.-препод. состава СамГУ им. А. Навои. – Самарканд : [Б. и.], 1967. – С. 65–70.
12. Николаев, Г. А. Имена существительные с суффиксом -ствие в русском литературном языке XVIII века / Г. А. Николаев // Очерки по истории русского языка и литературы XVIII века (Ломоно-

совские чтения). – Казань : КГУ, 1967. – Вып. 1. – С. 73–86.

13. Ройзензон, Л. И. Славянская глагольная полипрефиксация : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Ройзензон Леонид Иванович. – Минск, 1970. – 103 с.

14. Улуханов, И. С. О языке Древней Руси / И. С. Улуханов. – М. : Наука, 1972. – 134 с.

15. Черепанова, О. А. Морфологическое и лексико-словообразовательное варьирование в Успенском сборнике XII–XIII вв. / О. А. Черепанова // История русского языка. Вып. 1 : Древнерусский период. – Л. : ЛГУ, 1976. – С. 108–118.

16. Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм: «за» и «против». – М. : Прогресс, 1975. – С. 193–230.

REFERENCES

1. Bazhenova-Ragrina S.I. Problema opisaniya struktury tekstov Drevney Rusi [The Problem of Ancient Russia Texts Structure Description]. *Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta*, 1990, iss. 896, pp. 120-130.

2. Bobrik M.A. Predstavleniya o pravilnosti teksta i yazyka v istorii knizhnoy spravy v Rossii (ot XI do XVIII v.) [The Notion of Correctness of Texts and Language in the History of Book “Sprava” in Russia (From the 11th Century to the 18th Century)]. *Voprosy yazykoznaneya*, 1990, no. 4, pp. 61-85.

3. Vereshchagin E.M. Dve linii v yazykotvorchestve Kirilla i Mefodiya i ikh posledovateley: formirovanie terminologii, sozdanie poeticheskoy traditsii [The Two Lines in Language Creation of Cyril and Methodios and Their Followers: Formation of Terminology, Establishing Poetical Tradition]. *Slavyanskoe yazykoznanie. X Mezhdunarodnyy syezd slavistov (Sofiya, sentyabr 1988 g. Doklady sovetskoy delegatsii)* [Slavonic Linguistics. The X International Congress of Slavonic Philology Specialists (Sofia, September, 1988. The Papers of the Soviet Delegation)]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 78-90.

4. Vereshchagin E.M. *Iz istorii vozniknoveniya pervogo literaturnogo yazyka slavyan: K probleme grechesko-slavyanskikh leksicheskikh i grammaticeskikh variantov v drevneyshikh slavyanskikh perevodakh* [From the Historic Origin of the First Literary Language of the Slavs: On the Problems of Greek – Slavonic Lexical and Grammatical Variants in the Oldest Slavonic Translations]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1972. 50 p.

5. Dmitrieva O.I., Kryuchkova O.Yu. *Dinamika slovoobrazovatelnykh protsessov: semantiko-kognitivnyy, zhanrovo-stilisticheskii, strukturnyy aspekty* [The Dynamics of Word-Formation Processes:

Semantic, Cognitive, Genre, Stylistic and Structural Aspects]. Saratov, Nauchnaya kniga Publ., 2010. 364 p.

6. Ivanov Vyach. Vs. Vzaimootnoshenie dinamicheskogo issledovaniya evolyutsii yazyka, teksta i kultury (K postanovke problemy) [The Interrelation of Dynamic Research of Language, Text and Culture Evolution (Posing an Issue)]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*, 1982, vol. 41, no. 5, pp. 406-419.

7. Kandaurova T.N. Povtor kak priem literaturnoy otdelki teksta (na materiale pamyatnikov XII-XIV vekov) [Repetition as a Technique of Texts Literary “Trimming” (on the Material of Texts of 12-14th Centuries)]. *Problemy razvitiya i sovremennogo sostoyaniya russkogo yazyka* [On the Russian Language Development and Modern State]. Moscow, MGPI im. V.I. Lenina, 1979, pp. 66-76.

8. Kryuchkova O.Yu. Razvitie yazykovoy normy v donatsionalnyy period istorii russkogo yazyka i dinamika slovoobrazovatelnoy normy [The Development of Linguistic Norm in Pre-National Period of the Russian Language History and the Dynamics of Word-Formation Norm]. *Nauchnoe obozrenie: gumanitarnye issledovaniya*, 2014, no. 1, pp. 37-44.

9. Kryuchkova O.Yu. Sinonimiya glagolnykh prefiksov i sinonimicheskaya poliprefiksatsiya v drevnerusskom yazyke [Synonymy of Verb Prefixes and Synonymic Poly-Prefixation in the Old Russian Language]. *Slovo v yazyke i tekste: sb. st. k 85-letiyu so dnya rozhdeniya Sofii Petrovny Lopushanskoy* [The Word in Language and Text: The Symposium on 85 Years From the Birthdate of Sofiya Petrovna Lopushanskaya]. Volgograd, Volgogradskoye nauchnoe izdatelstvo, 2011, pp. 79-91.

10. Larin B.A. *Lektsii po istorii russkogo literaturnogo yazyka* [The Lectures on the History of the Russian Literary Language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1975. 328 p.

11. Lomov A.G. Sravnitelno-istoricheskoe izuchenie tautologicheskikh obrazovaniy russkikh letopisey [A Comparative Historical Study of Tautological Formations in Russian Chronicles]. *Voprosy yazykoznaneya. Materialy XXIV nauch. konf. prof.-prepod. sostava SamGU im. A. Navoi* [Approaches to Linguistics. The Materials of the 24th Scientific Conference of Professors of A. Navoi Samarkand State University]. Samarkand, 1967, pp. 65-70.

12. Nikolaev G.A. Imena sushchestvitelnye s suffiksom -stvie v russkom literaturnom yazyke XVIII veka [The Names With the Suffix -stvie in the 18th Century Russian Literary Language]. *Ocherki po istorii russkogo yazyka i literatury XVIII veka (Lomonosovskie chteniya)* [Issues on the History of the Russian Language and Literature of the 18th Century (In Memoriam of Lomonosov)]. Kazan, KGU Publ., 1967, iss. 1, pp. 73-86.

13. Royzenzon L.I. *Slavyanskaya glagolnaya poliprefiksatsiya: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [The Slavonic Verbal Polyprefixation. Dr. philol. sci. abs. diss.]. Minsk, 1970. 103 p.

14. Ulukhanov I.S. *O yazyke Drevney Rusi* [On the Language of Ancient Russia]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 134 p.

15. Cherepanova O.A. Morfologicheskoe i leksiko-slovoobrazovatelnoe varyirovanie v Uspenskom sbornike XII-XIII vv. [Morphological,

Lexical and Word-Formation Variation in the Uspenkij Compilation of 12-13th Centuries]. *Istoriya russkogo yazyka. Vyp. 1. Drevnerusskiy period* [The History of the Russian language. Issue 1. The Old Russian Period]. Leningrad, LGU Publ., 1976, pp. 108-118.

16. Jakobson R. Lingvistika i poetika [Linguistics and Poetics]. *Strukturalizm: "za" i "protiv"* [Structuralism: "pro" and "contra"]. Moscow, Progress Publ., 1975, pp. 193-230.

THE FUNCTIONS OF LEXICAL UNITS WITH AFFIXAL REDUPLICATION IN THE TEXTS OF THE 11-14th CENTURIES

Olga Yuryevna Kryuchkova

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics,
Saratov National Research University N.G. Chernyshevsky
vpks@rambler.ru
Astrakhanskaya St., 83, 410012 Saratov, Russian Federation

Abstract. Lexical units with reduplication of word-forming affixes in the texts of the 11-14th centuries reflect the specificity of stylistic features of the Old Russian literature. They also serve as the means of promotion and fixation of important structural and semantic tendencies in the history of Russian. The reduplication of the affixes reflects peculiarity of literary speech, based on the intersection of the Church Slavonic and the original Russian linguistic traditions. It represents different genre-related norms of Old Russian, or norms with variation of expressive means as an inherent feature. Accordingly, the most active models of suffixal reduplication include genetically heterogeneous (Russian and Church Slavonic) synonymic affixes. The contamination of original Russian suffixes with their south Slavonic synonyms is considered to be an instrument of genre and stylistic adaptation of the derivatives to the specifics of a text.

The semantic redundancy of words, being the result of the affixal reduplication, corresponds, first of all, to the general stylistic peculiarities of literary speech, and, secondly, is viewed as the basis of semantic development of some lexical and grammatical word classes: in the class of nomina abstracta the reduplication of suffixes contributes to concretization of the meanings of abstract names; in the sphere of verbal prefixation, the "threading" of synonymous affixes became the basis of development of new modifying meanings – the modes of verbal action.

Key words: Old Russian text, word-formation, affixal reduplication, abstract name, polyprefixal verbs.